
**ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ
СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**



DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.3

EDN: WGNFMH

**БАЛАНС УНИФИКАЦИИ И РАЗНООБРАЗИЯ
В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ:
АДАПТАЦИЯ ТЕХНОЛОГИИ ПРОГНОЗНОГО
СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ К ЗАДАЧАМ
МАСТЕР-ПЛАНИРОВАНИЯ**

Демьяненко Василий Иванович

Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук,
Москва, Россия

Эл. почта: imhocorg@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1838-2081

Шилова Валентина Александровна

Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук,
Москва, Россия

Эл. почта: vshilova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8899-2707

Быков Кирилл Владимирович

Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук,
Москва, Россия

Эл. почта: 1096232@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2076-9816

Гусейнова Ксения Эльдаровна

Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук,
Москва, Россия

Эл. почта: likseidar@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7957-7317

Для цитирования: Демьяненко В. И., Шилова В. А., Быков К. В., Гусейнова К. Э. Баланс унификации и разнообразия в пространственном развитии городов: адаптация технологии прогнозного социального проектирования к задачам мастер-планирования // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026, т. 36, № 3(64). С. 74-109. DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.3. EDN: WGNFMH.

Статья посвящена разработке адаптированной технологии прогнозного социального проектирования (ПСП) применительно к задачам стратегического мастер-планирования городских агломераций. Актуальность исследования обусловлена устойчивым противоречием между технократическим подходом к градостроительству, страдающим «социальной безадресностью», и реальными потребностями локальных сообществ.

Теоретико-методологической основой исследования выступает экоантропоцентрическая парадигма Т.М. Дридзе, дополненная дихотомией унификации и разнообразия как операциональным принципом конструирования исследовательского инструментария. Показано, что прямое перенесение классической технологии ПСП, отработанной на локальных градостроительных конфликтах, на уровень стратегического планирования целого города наталкивается на ряд нерешенных методологических проблем: ресурсный дефицит, риск экспертного дилетантизма, функциональная дистанция социолога и необходимость создания «самоиграющего» итогового продукта.

В качестве результата представлена адаптированная технология, включающая три взаимосвязанных компонента: трехфазный исследовательский алгоритм – «воронку» (камеральный, полевой и пост-полевой этапы), трехконтурную модель субъектного разнообразия (функциональный, экзистенциальный и проекционно-конструктивный контуры) и систему методических приемов (иерархический синтез,

триангуляция и пространственная локализация данных). Итоговым продуктом технологии выступает мастер-план в формате «социального контракта» – документа, трансформирующего разнообразие жизненных миров горожан в унифицированный стратегический документ и обладающего самостоятельной прогностической силой.

Разработанная технология расширяет диапазон применимости экоантропоцентрической парадигмы и заполняет методологический пробел в области социологического обеспечения стратегического мастер-планирования.

Ключевые слова: мастер-план, прогнозное социальное проектирование, экоантропоцентрическая парадигма, социальный контракт, городская идентичность, социальная диагностика, унификация и разнообразие, стейкхолдеры, социальная безадресность

Благодарности: статья подготовлена в рамках темы государственного задания ИС ФНИСЦ РАН FMUS-2024-0002 «Унификация и разнообразие в пространственном развитии России (социально-экономические и социокультурные процессы)».

Введение

Современная практика стратегического пространственного развития российских городов обнаруживает устойчивое противоречие между нормативным «должным» – унифицированными градостроительными документами, федеральными целями и бюджетными приоритетами – и антропологическим «сущим» – реальным образом жизни, ценностями и повседневными потребностями локальных сообществ. Доминирующий технократический подход, при котором город воспринимается преимущественно как совокупность материальных объектов, зонирования и инженерных сетей, порождает практику «абстрактно-утопического» планирования, страдающего, по определению Т.М. Дридзе, «социальной безадресностью» [1]. Следствием этого становится ситуация, когда дорогостоящие

инфраструктурные решения остаются невостребованными или провоцируют социальный конфликт.

Именно в этом контексте институт мастер-планирования приобретает особую значимость. В отличие от жесткого генерального плана, мастер-план, согласно классическому определению Э. Бассета, трактуется как «пластичное руководство» (plastic guide), способное гибко координировать развитие городской среды в соответствии с меняющимися потребностями сообщества [2]. В российской практике мастер-план все отчетливее позиционируется как инструмент согласования интересов власти, бизнеса и жителей – то есть как потенциальный «социальный контракт» [3]. Стандарт ВЭБ.РФ закрепляет это понимание, постулируя необходимость широкого вовлечения заинтересованных сторон как обязательного условия формирования устойчивой «социальной модели» территории [4].

Вместе с тем декларируемые цели мастер-планирования вступают в противоречие с реальной управленческой практикой. Как справедливо отмечают А.Н. Расходчиков и В.А. Шилова, многие проблемы современных городов проистекают из «экономикоцентричных подходов», где город рассматривается как пространство интенсификации капитала, а не воспроизводства социального [5]. В условиях цифровизации и усложнения городских систем В.С. Богданов фиксирует риски «технологического детерминизма», когда платформы обратной связи подменяют реальное участие горожан, ведя к «имитации включения» [6].

Проблематика преодоления разрыва между технократическим планированием и реальными потребностями городских сообществ разрабатывается в нескольких научных традициях.

В зарубежной теории планирования ответом на кризис директивных моделей стал «коммуникативный поворот». П. Хили и Дж. Иннес развивают теорию коллаборативного планирования, утверждая, что планирование – это прежде всего процесс построения консенсуса через диалог между стейкхолдерами [7; 8].

Л. Альбрехтс подчеркивает, что стратегическое планирование должно быть ориентировано не на создание статичного документа, а на запуск процесса трансформации менталитета участников развития [9]. К. Линч доказал, что «образ города» в сознании жителя кардинально отличается от карты архитектора, и именно субъективное восприятие определяет качество жизни [10].

В отечественном научном поле наиболее методологически проработанным инструментом социологического сопровождения градостроительства остается технология прогнозного социального проектирования (ПСП), разработанная школой Т.М. Дридзе. В основе данного подхода лежит экоантропоцентрическая парадигма, рассматривающая городскую среду не как статичную декорацию, а как «жизненную среду» человека [1]. За последние десятилетия в России сложилась успешная практика применения ПСП для решения локальных градостроительных задач – реконструкции дворов, создания парков, разрешения конфликтов точечной застройки [11; 12].

Критический анализ современного состояния данной традиции представлен в работе В.И. Демьяненко, основанной на множественном кейс-стади. Автор фиксирует, что современное общество живет в ситуации «неклассической сложности», где традиционная дихотомия «управление – исполнение» сменяется требованием гибкого баланса. При этом классическая модель ПСП, где социолог выступает в роли «независимого эксперта-диагноста», может сохранять черты иерархического управления и вступать в противоречие с необходимостью выстраивания равноправных субъект-субъектных отношений [13].

Анализ теоретического дискурса и практического опыта выявляет существенное научно-прикладное противоречие. С одной стороны, фиксируется настоятельная потребность в переходе от технократического планирования к моделям «социального участия» и «общественного договора» в формате мастер-плана. С другой стороны, существующий методологиче-

ский инструментарий социологии города либо ориентирован на ретроспективную фиксацию мнений, либо разработан для решения локальных тактических задач уровня двора или квартала.

Технология ПСП Т.М. Дридзе, обладая мощным диагностическим потенциалом, изначально отработывалась именно на таких локальных задачах. Ее прямое перенесение на уровень стратегического мастер-планирования целого города наталкивается на ряд нерешенных методологических проблем. Во-первых, прикладное мастер-планирование разворачивается в условиях жестких временных и бюджетных ограничений, несовместимых с классическими процедурами ПСП. Во-вторых, внешний эксперт, приступающий к работе с незнакомой территорией, рискует воспроизвести тот самый «дилетантизм», против которого направлена вся логика экоантропоцентрического подхода. В-третьих, социологическая группа в реальных проектах зачастую завершает свою работу на стадии диагностики, передавая данные архитекторам, а значит, итоговый продукт исследования должен обладать самостоятельной прогностической силой и задавать жесткие рамки для проектировщиков даже в отсутствие дальнейшего социологического сопровождения.

Таким образом, адаптированная технология социологического обеспечения стратегического мастер-планирования, отвечающая требованиям ресурсного реализма, преодолевающая риск экспертного дилетантизма, масштабируемая на уровень целого города и производящая результат в формате «самоиграющего» социального контракта, на сегодняшний день в достаточной мере не формализована. Данный разрыв составляет научную проблему настоящего исследования.

Объектом исследования выступает многомерное социокультурное «пространство-время» города, рассматриваемое как среда обитания локальных сообществ, охватывающая природные, антропогенные и информационные аспекты взаимодействия населения с городской территорией.

Предметом исследования является адаптированная технология и процедурный алгоритм прогнозного социального проектирования (ПСП), направленные на диагностику латентных проблемных ситуаций, выявление ценностных ориентаций социальных групп и организацию конструктивного диалога между субъектами городской жизни в процессе разработки стратегии пространственного развития города.

Целью настоящей работы является теоретическое обоснование и разработка адаптированной технологии ПСП применительно к задачам стратегического мастер-планирования городских агломераций.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

- обосновать применимость эконотропоцентрической парадигмы Т.М. Дридзе к задачам стратегического планирования, выявив специфику перехода от решения локальных конфликтов к масштабу целого города;
- разработать авторскую модель сегментации участников исследования, обеспечивающую представительство разнообразия субъектностей городского развития;
- сконструировать и обосновать логическую последовательность исследовательских этапов, обеспечивающую валидность данных в условиях ресурсных ограничений прикладного проектирования;
- определить требования к итоговому продукту технологии как «социальному контракту», обладающему самостоятельной прогностической силой.

Адаптированная технология ПСП, разработанная на основе дихотомии унификации и разнообразия как методологического принципа конструирования исследования, позволяет преодолеть «социальную безадресность» стратегического мастер-планирования: обеспечить масштабирование диагностики на уровень целого города в условиях ресурсного реализма, инте-

грировать разнообразие жизненных миров горожан в унифицированный стратегический документ и трансформировать мастер-план из технического регламента в «социальный контракт», обладающий самостоятельной прогностической силой.

Методология исследования: концептуальные основания разработки технологии ПСП

В данном разделе раскрывается теоретический и процедурный фундамент, на котором строится адаптация технологии прогнозного социального проектирования (ПСП) к задачам мастер-планирования. Методология исследования опирается на две взаимосвязанные оси: объектную (модель ситуации) и инструментальную (модель метода). Сквозным принципом, организующим обе оси, выступает дихотомия унификации и разнообразия – не просто как описание городской реальности, а как основной методологический принцип конструирования исследования. В условиях «неклассической сложности» современных урбосистем – ситуации, когда традиционная иерархия «управление – исполнение» утрачивает эффективность и сменяется требованием гибкого баланса между необходимостью стратегического порядка и признанием уникальности локальных контекстов [13] – именно эта дихотомия позволяет удержать в едином исследовательском пространстве разномасштабные пласты городской реальности.

Объектная ось: унифицированная ситуация города из разнообразия жизненных миров

Разработка технологии базируется на необходимости сопряжения разномасштабных пластов городской реальности, что требует существенной адаптации классической технологии ПСП, изначально ориентированной на решение локальных градостроительных задач уровня двора или квартала, к масштабу страте-

гического планирования агломераций. Фундаментальным основанием для такой адаптации служит экоантропоцентрическая парадигма Т.М. Дридзе, согласно которой город рассматривается не как статичный набор физических объектов или административных границ, а как «жизненная среда» человека. Это положение переносит фокус внимания с проектирования «вещных» структур на проектирование процессов метаболизма – непрерывного обмена информацией и энергией между «человеком живущим» (*homo vivens*) и его окружением [1].

Методологическим механизмом, позволяющим удержать этот сложный объект в рамках единого исследования, выступает многоуровневая модель ситуационного анализа. Согласно ПСП, любое социальное познание всегда ситуативно. Однако в условиях неклассической сложности содержание этого понятия трансформируется в зависимости от масштаба решаемых задач. Для обеспечения баланса между принципом унификации и принципом разнообразия методология выделяет два полюса и связующее их звено.

Макроуровень (конкретно-историческая ситуация) воплощает принцип унификации. В методологии ПСП конкретно-историческая ситуация выступает единицей анализа макроуровня, охватывающей состояние городского социума как единой системы на определенном этапе его развития. Она включает нормативно-стратегический контур – федеральные и региональные цели развития, обязательные для всей территории агломерации, а также объективное состояние ресурсов территории. Тем самым конкретно-историческая ситуация формирует «коридор возможностей»: она фиксирует пределы, в которых может осуществляться как любое проектирование, так и реальные жизненные ситуации людей, задавая нормативное «должное» для стратегии развития.

Микроуровень (жизненная ситуация) является полюсом разнообразия. Под жизненной ситуацией в ПСП понимается базовая

единица анализа, фиксирующая конкретные условия взаимодействия человека со средой «здесь и сейчас». Это крайне подвижный и индивидуализированный уровень, отражающий доступность благ, повседневный комфорт и чувство безопасности конкретных людей в различных городских локусах. Именно здесь проявляется уникальность «жизненных программ» и реальных потребностей населения – антропологическое «сущее», которое невозможно свести к единому стандарту.

Между этими полюсами методология ПСП выделяет мезоуровень – социокультурную ситуацию, характерную для локальных общностей, районов или специфических социальных групп. На этом уровне формируются коллективные ценности и нормы поведения, которые служат связующим звеном между индивидуальным опытом и общегородской стратегией. Стратегическое планирование в формате мастер-плана призвано объединить все три уровня в единую систему.

Научное обоснование разрабатываемой технологии строится на императиве преодоления «социальной безадресности» управления – ситуации, когда проекты, разработанные на макроуровне, вступают в жесткий конфликт с реальным образом жизни людей на микроуровне. Методологический императив ПСП заключается в том, что даже при решении общегородских стратегических задач проектировщик обязан «опускаться» до уровня анализа разнообразных жизненных ситуаций. При этом, поскольку мастер-план обращён в будущее, диагностика смещается с анализа открытых конфликтов на выявление латентных проблемных синдромов – скрытых противоречий между «коридором возможностей» и реальными жизненными программами населения.

Таким образом, объектная ось методологии конструирует исследование как поиск резонансной гармонии между универсальными требованиями городского развития (унификация) и уникальным разнообразием жизненных миров горожан (разноо-

бразие). Именно это противоречие составляет содержательное ядро дихотомии управление-разнообразие применительно к объекту исследования.

Инструментальная ось: унифицированный метод из разнообразие субъектов и смыслов

Вторая аналитическая ось методологии посвящена обоснованию исследовательского инструментария, который выступает механизмом «сборки» разнообразных социальных фактов в единую стратегическую модель. Если объектная ось определяет границы и уровни анализа городской среды (что мы изучаем), то инструментальная ось определяет, как и на каких основаниях конструируется сам процесс познания.

Инструментальная дихотомия унификация-разнообразие разворачивается следующим образом. С одной стороны, валидность и воспроизводимость результатов требуют унифицированного исследовательского регламента – жесткой процедурной рамки, единой для любого города. С другой стороны, подлинная ценность социологического сопровождения мастер-плана состоит именно в экспликации уникального разнообразия субъектов, смыслов и локальных контекстов, которое невозможно свести к стандартным опросным категориям. Методологическая задача состоит в том, чтобы унифицированный метод не подавлял, а, напротив, гарантировал выявление этого разнообразия.

Основанием для разработки процедурного дизайна выступает унифицированный трехфазный алгоритм-«воронка», позволяющий последовательно углублять знание об объекте: от внешнего контура (документы, инфополе) к глубинным социальным смыслам и их количественной верификации. Фундаментальным принципом построения алгоритма является «опережающая оценка последствий»: диагностика должна не просто фиксировать статус-кво, а служить инструментом превентивного «взве-

шивания» рисков планируемых изменений ещё на стадии формирования замысла [11].

Ключевым вызовом при конструировании инструментария является обеспечение субъектного разнообразия. Традиционные менеджериальные модели отбора стейкхолдеров, ориентированные на матрицу «власть/интерес» [14], маргинализируют рядовых жителей, не обладающих формальными ресурсами влияния. Инклюзивная модель коллаборативного планирования П. Хили, напротив, настаивает на тотальном включении всех групп, однако без четкой структуры отбора рискует вести к популизму и размыванию профессиональной экспертизы [7]. В противовес обоим подходам, инструментальная ось ПСП базируется на унифицированной модели сегментации участников, выделяющей три типа субъектности: функциональный контур (эксперты-носители профессионального знания), экзистенциальный контур (жители-пользователи среды) и проекционный контур (активисты-авторы идей). Такое квотирование по типу субъектности обеспечивает реализацию «полилога» четырех сил – власти, бизнеса, специалистов и граждан – и достижение «эффекта моносубъектности», то есть взаимопонимания сторон [11].

Аналитический блок методологии также строится на сочетании универсальных методических приемов и уникальных смыслов. Валидность выводов обеспечивается принципом аналитической триангуляции – сопоставлением данных из разных источников и от разных групп акторов, что позволяет не просто собрать мнения, а эксплицировать «смысловые ножницы» – разрывы в понимании целей развития города между различными субъектами [15]. Дополнительным императивом аналитики является пространственная локализация социальных данных: перевод субъективных «народных топонимов» и эмоциональных оценок в конкретные координаты на карте города, что превращает социологический отчет в рабочую градостроительную подоснову [10].

Таким образом, инструментальная унификация метода – алгоритма, правил отбора участников и методических приемов анализа – служит единственным надежным способом выявления, защиты и интеграции в стратегию мастер-плана подлинного разнообразия смыслов и интересов городского сообщества. Унифицированный процедурный регламент выступает здесь не ограничением, а гарантией того, что «гений места» будет интегрирован в стратегию на правах равноправной градостроительной подосновы, а не как случайный набор обывательских мнений.

Две описанные оси (объектная и инструментальная) задают теоретико-методологическую рамку, в которой становится возможной разработка конкретной адаптированной технологии. Условия ее практической реализации, определяющие логику построения исследовательского алгоритма, представлены далее.

Адаптированная технология социального обеспечения мастер-плана

Результатом проведенного исследования стала авторская адаптированная технология прогнозного социального проектирования (ПСП), представляющая собой наукоемкую «мягкую» социальную технологию.

Она разработана как прикладной инструмент, трансформирующий унифицированные директивные установки управления (стратегические цели и нормативные ограничения) в верифицированный социальный запрос, соответствующий уникальным ценностям и нуждам, реальным потребностям населения.

В отличие от классической методики ПСП, ориентированной на локальные конфликты, данный результат представляет собой масштабированную модель, адаптированную к «неклассической сложности» целого города. Технология представляет собой единство процедурного регламента, субъектной модели и методических приемов, логика построения которых определя-

ется четырьмя условиями-ограничениями реального проектного процесса.

Первое условие – информационный вакуум и риск профессионального «дилетантизма»: часто внешние эксперты приступают к проектированию, не обладая глубоким пониманием локальной специфики и подоплеку градостроительного задания.

Второе условие – ресурсный дефицит: прикладное мастер-планирование всегда ограничено жесткими временными и бюджетными рамками, что делает невозможным проведение длительных этнографических циклов и требует максимальной «диагностической плотности» в сжатые сроки.

Третье условие – агрессивная среда: прикладное исследование разворачивается в ситуации острого столкновения интересов власти, бизнеса и населения, что требует от социолога позиции не пассивного наблюдателя, а активного медиатора, трансформирующего конфликтные интенции сторон в конструктивное «социальное задание».

Четвертое условие – функциональная дистанция: социологическая группа зачастую завершает свою работу на стадии диагностики, передавая данные архитекторам, следовательно, итоговый продукт исследования должен обладать самостоятельной прогностической силой и задавать жесткие рамки для проектировщиков даже в отсутствие дальнейшего социологического сопровождения [11].

Именно эти четыре условия определили логику построения трех взаимосвязанных компонентов разработанной технологии.

Трехфазный исследовательский алгоритм

Центральным результатом разработки технологии стал адаптированный процедурный алгоритм, логика последовательности этапов которого обусловлена необходимостью преодоления «дилетантизма» внешнего эксперта в условиях интенсив-

ной экспедиции. Алгоритм выстроен по принципу «воронки»: от бесконтактной диагностики внешнего контура территории к прямому взаимодействию с ее субъектами и финальному аналитическому синтезу. Такая последовательность позволяет исследователю входить в «жизненные миры» города не как «чужаку», а как субъекту, уже дешифровавшему официальные и латентные «городские шумы», – что, в свою очередь, является методологическим ответом на риск профессионального дилетантизма.

Фаза I. Предполевой (камеральный) этап реализуется дистанционно до выезда исследовательской группы на объект и направлен на формирование объективного «информационного поля» о территории. Включает две ключевые процедуры.

Работа с нормативно-стратегическими документами: системный анализ стратегий социально-экономического развития, генеральных планов, муниципальных программ и инвестиционных паспортов. Цель процедуры – реконструкция «официального контура» управления: фиксация декларируемых целей развития, бюджетных приоритетов и уже утвержденных планов, создающая нормативную рамку для последующего исследования. Методологически это позволяет операционализировать «коридор возможностей» конкретно-исторической ситуации города еще до входа в поле.

Анализ информационной среды: мониторинг локальных медиа, социальных сетей, городских пабликов и платформ обратной связи с применением метода интенционального анализа текстов, разработанного Т.М. Дридзе. В отличие от традиционного контент-анализа, фиксирующего частоту упоминаний, данный метод направлен на реконструкцию иерархии коммуникативно-познавательных программ субъектов – понимание истинных мотивов («ради чего») и причин («почему») возникновения тех или иных дискурсов в публичном поле. Это позволяет сформулировать обоснованные гипотезы и адаптировать инструмента-

рий полевого этапа под локальную специфику, а также идентифицировать потенциальных участников последующих этапов исследования.

Фаза II. Полевой этап (экспедиция) реализуется непосредственно на объекте в формате интенсивного натурного обследования. Последовательность процедур внутри фазы подчинена логике последовательного углубления: от реконструкции исторического контекста к экспертной диагностике и далее к групповому соучастию.

Зондажное историко-краеведческое исследование: работа с музейными фондами и носителями локального знания (краеведами, старожилами) для реконструкции «биографии города» и выявления «ядра идентичности». Данная процедура направлена на понимание «экологии культуры» территории – устойчивых традиций, городских мифов и культурных кодов, определяющих уникальный уклад жизни. Игнорирование этих смысловых доминант при проектировании неизбежно ведет к социальному отторжению проектных решений.

Глубинные экспертные интервью: полуструктурированные интервью с представителями администрации, бизнеса, бюджетной сферы и лидерами мнений. Гайд интервью строится как сценарная беседа, направленная на выявление не только фактов, но и ценностных установок и прогнозных оценок респондента, и включает блоки диагностики локальной идентичности, выявления проблемного поля и PEST-факторов, анализа человеческого капитала, пространственной диагностики и сценарного прогнозирования.

Групповые дискуссии (воркшопы): модерлируемые встречи с представителями сообществ с применением техник ментального картографирования. Логика обсуждения выстраивается по принципу «воронки»: от общего эмоционального восприятия города к описанию конкретных проблем и проектным предложениям. Участники работают с физической картой города, нанося

«места силы» и «места отторжения», фиксируя народные топонимы и границы соседств. Итогом становится сбор конкретных предложений, которые трансформируются из жалоб в проектные инициативы.

Фаза III. Постполевой этап включает финальные процедуры количественного замера и комплексный синтез информации в камеральных условиях.

Массовый количественный опрос: стандартизированный опрос населения, обеспечивающий статистическую верификацию гипотез, ранжирование проблем и оценку масштаба выявленных в поле качественных трендов. Выборка взвешивается по полу и возрасту для обеспечения репрезентативности.

Пространственный анализ: агрегация данных ментальных карт и геометок опроса в сводные схемы восприятия среды, позволяющая визуализировать структуру городской идентичности и локализовать зоны конфликтов.

Субъектный анализ: кластеризация выявленных акторов по матрице влияния и интересов для построения карты стейкхолдеров, необходимой для понимания баланса сил при реализации мастер-плана.

Проблемно-сценарный синтез: интегральная интерпретация всего массива данных для выявления «социальных парадоксов» — системных противоречий, формирования итоговых рейтингов проблем и реестра проектных предложений.

Трёхконтурная модель субъектного разнообразия

Вторым ключевым результатом разработки технологии стала авторская модель сегментации участников исследования, основанная на дифференциации типов субъектности. Ее необходимость обусловлена центральным методологическим требованием инструментальной оси: унифицированный алгоритм должен

гарантировать выявление подлинного субъектного разнообразия, не подменяя «сущее» профессиональным «должным».

Отбор участников производится по трем функциональным контурам, каждый из которых привносит в исследование специфическое знание, недоступное другим группам.

1) Функциональный контур (экспертное основание) включает специалистов-практиков (архитекторов, экономистов, экологов) и представителей профильных департаментов администрации. Их роль состоит в обеспечении научно-технологической верификации проектных идей и оценке их реализуемости в рамках существующих бюджетных и правовых ограничений. Именно этот контур позволяет операционализировать «коридор возможностей» конкретно-исторической ситуации, т.е. выявить институциональные и ресурсные ограничения, критичные для реализуемости мастер-плана, но невидимые для рядовых горожан. Для обеспечения валидности данных отбор экспертов производится по критериям компетентности, глубине знаний, репрезентативности институции, разнообразию и балансу мнений, стратегического видения и конструктивности.

2) Экзистенциальный контур (средовое основание) формируется из рядовых горожан как непосредственных пользователей городской среды. Принципиальным методологическим решением здесь является отход от формального демографического представительства в пользу отбора носителей различных «жизненных ситуаций» и представителей дифференцированных «групп сознания». Участие этого контура привносит в проект знание о реальном, повседневном метаболизме между человеком и средой – антропологическое «сущее», позволяющее верифицировать официальные отчеты через призму базовых потребностей населения.

3) Проекционно-конструктивный контур (активный основание) состоит из лидеров сообществ и городских активистов – «субъектов социального действия». В отличие от рядовых

пользователей, участники этого контура не только фиксируют проблемы, но и способны генерировать конструктивные сценарии и выступать соавторами стратегии развития. Они идентифицируются в ходе диагностических процедур и вовлекаются в дальнейшую работу как соавторы, готовые разделить ответственность за реализацию итогового документа.

Синтез данных трех контуров реализует конструктивно-коммуникативную стратегию ПСП, а именно, организацию «полилога» четырех ключевых сил городского развития: власти, бизнеса, специалистов и граждан. Грамотное конфигурирование состава участников позволяет выявить и преодолеть «смысловые ножницы». Вследствие чего власть получает карту ресурсов, жители – признание своих проблем, активисты – платформу для инициатив.

Методические приемы: инструменты синтеза разнообразия

Третьим компонентом разработанной технологии являются методические приемы обработки эмпирических данных, превращающие разрозненные социальные факты в структурированную градостроительную подоснову. В рамках адаптированного ПСП аналитическая работа рассматривается не как техническая процедура статистического учета, а как ключевой механизм интеграции научного знания в практику управления. Инструментарий синтеза данных опирается на три взаимодополняющих методических приема, каждый из которых реализует один из аспектов дихотомии унификация-разнообразие.

Иерархическая логика синтеза («принцип конуса») обеспечивает последовательное движение от разнообразия частных фактов к унифицированной стратегической модели. Обработка информации начинается с декомпозиции индивидуальных «жизненных ситуаций» респондентов, выявленных в ходе интервью

и дискуссий. На следующем этапе эти данные группируются в устойчивые «проблемные синдромы» локальных групп – уровень социокультурной ситуации. Наконец, они синтезируются в интегральную «сетевую модель проблемного поля» всего города – уровень конкретно-исторической ситуации. Такая логика позволяет провести комплексную диагностику социального здоровья территории и выявить системные противоречия, не фиксируемые стандартной статистикой.

Аналитическая триангуляция и экспликация «смысловых ножиц» обеспечивают валидность выводов через сопоставление позиций всех четырех групп участников полилога. Аналитический этап считается завершенным только при условии четкого выявления коммуникативных разрывов в понимании целей и приоритетов развития между различными субъектами. Ценность данного методического приема состоит в его комплементарности: разные группы (власть, жители, бизнес) видят разные грани реальности, и только их наложение дает объемную модель [15].

Пространственная локализация социальных данных реализует императив перевода табличных данных в пространственные модели. Наложение выявленных социальных проблем на карту города позволяет визуализировать «точки сгущения социальной напряженности» и границы ментального восприятия среды жителями. Инструментарий включает агрегацию данных ментальных карт и народных топонимов, маркирующих реальные границы соседств и локусы идентичности [10]. Таким образом происходит трансформация полученных эмпирических данных в социально-управленческую основу программу, минимизирующую риски принятия социально безадресных решений.

Итоговым продуктом применения трех методических приемов становится отчет, содержащий не только констатацию фактов, но и результат «опережающего взвешивания» – прогноз социальных издержек и выгод от реализации мастер-плана. Трансформация разрозненных мнений в иерархическую систему

проблем и проектных предложений обеспечивает легитимность управленческих решений и создает методологическую основу для финального продукта технологии – мастер-плана как «социального контракта», теоретическое осмысление которого составляет предмет следующего раздела.

Теоретическая значимость и границы применимости адаптированной технологии ПСП

Сопоставление с существующими подходами

Разработанная технология формируется на пересечении нескольких научных традиций, с каждой из которых она находится в отношениях частичного совпадения, уточнения или принципиального расхождения.

Наибольшая близость обнаруживается с теорией коллаборативного планирования П. Хили и Дж. Иннес, постулирующей, что планирование – это прежде всего процесс построения консенсуса через диалог стейкхолдеров [8; 16]. Разработанная технология разделяет этот базовый тезис, реализуя его через модель «полилога» четырех сил. Однако принципиальное отличие состоит в том, что коллаборативное планирование не предлагает четкого процедурного алгоритма входа в диалог, оно предполагает, что стороны уже идентифицированы и готовы к взаимодействию. Наша технология, напротив, включает обязательную преддиалоговую фазу диагностики, без которой любой «полилог» рискует воспроизвести уже существующий дисбаланс интересов, когда голос институционально сильных участников заглушает «молчаливое большинство» жителей.

Существенное расхождение фиксируется с менеджеральной моделью стейкхолдеров Р.Э. Фримена, классифицирующей участников по матрице «власть/интерес» [14]. Данный подход

инструментально эффективен для инвестора, однако системно маргинализирует рядовых жителей, обладающих высоким жизненным интересом, но низкой формальной властью. Разработанная трехконтурная модель субъектного разнообразия преодолевает это ограничение, смещая основание сегментации с формальных ресурсов влияния на тип субъектности. Это, в свою очередь, принципиально меняет состав участников и, следовательно, качество итогового «социального заказа».

Аналогичное расхождение, но по иному основанию, обнаруживается с адвокативной моделью П. Давидовфа [16]. Занимая позицию «адвоката» конкретной группы, социолог оказывается внутри конфликта, что блокирует достижение консенсуса, необходимого для целостной стратегии развития агломерации. Разработанная технология предполагает иную профессиональную позицию – социолога-арбитра, организующего коммуникативное пространство, а не представляющего интересы одной из сторон.

Наиболее сложные отношения складываются с классической технологией ПСП Т.М. Дридзе, которая служит теоретической базой разработки. Здесь речь идет не о расхождении, а о масштабировании и переосмыслении. Классическая ПСП отработывалась на задачах разрешения локальных конфликтов уровня двора или квартала, где отправной точкой выступает уже возникшее противоречие. Разработанная технология смещает фокус с диагностики актуального конфликта на прогнозирование потенциальных противоречий в масштабе целого города, что требует иной логики построения выборки, иной последовательности процедур и иного формата итогового продукта. Тем самым наши результаты не опровергают, а расширяют диапазон применимости экоантропоцентрической парадигмы.

Особого внимания заслуживает критика, сформулированная В.И. Демьяненко. Автор указывает, что классическая модель ПСП, где социолог выступает в роли «независимого эксперта-

диагноста», может сохранять черты иерархического управления и вступать в противоречие с необходимостью выстраивания равноправных субъект-субъектных отношений [13]. Разработанная технология предлагает конкретный методологический ответ на этот вызов: трехконтурная модель субъектного разнообразия и принцип аналитической триангуляции структурно исключают монополию экспертного взгляда, встраивая позицию социолога в логику медиации, а не диагностического доминирования.

Научная и практическая значимость

Научная значимость разработанной технологии определяется прежде всего тем, что она предлагает операционализацию эокантропоцентрической парадигмы применительно к задачам стратегического управления сложными урбосистемами. Представленная область оставалась методологически незакрытой. Как справедливо отмечают А.Н. Расходчиков и В.А. Шилова, в условиях цифровизации и усложнения городских систем особенно возрастает риск отчуждения человека от управления средой [5]. Разработанная технология предлагает конкретный инструментальный противодействия этому риску на предпроектной стадии.

Теоретический вклад технологии состоит в нескольких взаимосвязанных аспектах. Во-первых, дихотомия унификации и разнообразия впервые используется не как описательная характеристика городской реальности, а как операциональный принцип конструирования исследовательского инструментария. Это позволяет преодолеть фундаментальный разрыв между нормативным «должным» («коридором возможностей» конкретно-исторической ситуации) и антропологическим «сущим» (реальным разнообразием жизненных миров горожан). Во-вторых, трехуровневая модель ситуационного анализа (жизненная – социокультурная – конкретно-историческая ситуация) впервые применяется как сквозной аналитический каркас для всего

цикла мастер-планирования, а не только для отдельных его этапов. В-третьих, разработанная система индикаторов и структура итоговой отчетности, включающая карты ментального восприятия и реестр социальных парадоксов, обеспечивает интеграцию социологических данных в градостроительную документацию на правах равноправной подосновы.

Практическая значимость технологии определяется несколькими направлениями применения. Прежде всего, разработанный алгоритм «опережающей оценки последствий» позволяет выявлять социальные риски на предпроектной стадии, то есть до того, как ресурсы будут потрачены на реализацию потенциально нежизнеспособных решений. Технология непосредственно отвечает требованиям стандарта ВЭБ.РФ, постулирующего необходимость широкого вовлечения заинтересованных сторон как обязательного условия формирования устойчивой «социальной модели» территории [4], предоставляя конкретный методологический инструментарий для реализации этого требования. Наконец, формат итогового продукта – «сетевая модель проблемного поля» города как прототип «социального контракта» – обеспечивает преемственность между социологической диагностикой и архитектурно-градостроительным проектированием даже в условиях функциональной дистанции между этими этапами.

Ограничения и условия применимости

Честная научная рефлексия требует четкого обозначения границ применимости разработанной технологии.

Первое ограничение носит методический характер и связано с интенсивным экспедиционным форматом полевого этапа. Сжатые временные рамки, диктуемые условиями реального проектного процесса, не позволяют достичь глубины длительного этнографического погружения в локальный контекст. Технология

компенсирует это за счет «диагностической плотности» – концентрации взаимодополняющих методов в короткий период, однако данное ограничение необходимо учитывать при интерпретации результатов, особенно применительно к латентным конфликтам, требующим длительного наблюдения для выявления.

Второе ограничение связано с функциональной дистанцией: социологическая группа завершает работу на стадии диагностики, не участвуя в дальнейшей разработке и утверждении мастер-плана. Это означает, что технология не может гарантировать полноту реализации «социального контракта», она лишь создает для него методологическую основу. Качество итогового мастер-плана остается зависимым от того, насколько архитектурно-планировочные структуры способны и готовы работать с социологической подосновой.

Третье ограничение касается условий применимости в различных институциональных контекстах. Технология предполагает определенный уровень открытости со стороны заказчика – готовности администрации и градообразующих предприятий к реальному, а не имитационному вовлечению жителей. В условиях жесткого административного давления или девелоперского лобби социолог-арбитр оказывается в ситуации «агрессивной среды», которая может существенно ограничивать возможности для организации подлинного «полилога».

Четвертое ограничение имеет теоретический характер: разработанная технология создавалась и будет верифицироваться на материале городов с градообразующими предприятиями атомной отрасли, представляющих собой специфический тип урбосистем с жесткой корпоративной структурой и особым режимом территории. Степень универсальности технологии применительно к иным типам городов (исторические центры, дотационные муниципалитеты, быстрорастущие агломерации) требует отдельной проверки.

Перспективы исследования

Разработанная теоретическая модель расширяет направления для дальнейших исследований. Первоочередной задачей является эмпирическая верификация технологии на материале конкретных городов. Апробация полного исследовательского цикла позволит проверить валидность трехфазного алгоритма в реальных проектных условиях, оценить диагностическую силу трехконтурной модели субъектного разнообразия и выявить необходимые корректировки процедурного регламента. Результаты подобной верификации составят предмет второй, эмпирической статьи настоящего исследовательского цикла.

Перспективным направлением представляется расширение типологии городов, на которых применяется технология. Сравнительный анализ результатов, полученных в городах различного типа (моногорода, исторические поселения, дотационные муниципалитеты) позволит установить границы универсальности разработанного инструментария и сформулировать типологически специфические модификации алгоритма.

Важным направлением является также лонгитюдное сопровождение реализации мастер-планов, разработанных с применением описанной технологии. Отслеживание динамики социальных процессов после принятия стратегических решений позволит верифицировать прогностическую силу «опережающей оценки последствий» и оценить устойчивость достигнутого «социального контракта» во времени.

Наконец, перспективным представляется направление, обозначенное в работе В.А. Шиловой, В.И. Демьяненко и их коллег, а именно, интеграция технологии ПСП с методами когнитивного моделирования. Разработанная авторами структурно-функциональная модель, включающая пять контуров (ресурсы, субъекты, механизмы, ценности, правила), открывает возможность формализации слабоструктурированных соци-

альных процессов [17]. в подобном контексте адаптированная технология ПСП может выступать поставщиком качественных данных о ценностях и субъектах для когнитивных моделей, а синтез «мягкой» технологии диалога и алгоритмов когнитивного моделирования открывает перспективу создания цифровых двойников города, учитывающих не только инженерные сети, но и социальную ткань.

Выводы

Настоящая статья была посвящена решению актуальной научно-прикладной проблемы: разрыву между технократическим подходом к стратегическому мастер-планированию, страдающему «социальной безадресностью», и реальными потребностями локальных сообществ. Целью работы являлась разработка адаптированной технологии прогнозного социального проектирования (ПСП) применительно к задачам стратегического мастер-планирования городских агломераций. Решение последовательности исследовательских задач привело к следующим результатам.

Во-первых, доказана высокая эвристическая ценность экоантропоцентрической парадигмы Т.М. Дридзе для задач стратегического планирования. Обосновано, что переход от решения локальных конфликтов, на которые изначально была ориентирована классическая технология ПСП, к масштабу целого города требует принципиального смещения фокуса. А именно: с диагностики актуальных проблемных ситуаций на выявление латентных противоречий между «коридором возможностей» конкретно-исторической ситуации и разнообразием жизненных миров горожан. Дихотомия унификации и разнообразия выступила при этом не просто описательной характеристикой городской реальности, а операциональным принципом конструирования всего исследовательского инструментария.

Во-вторых, разработана авторская трехконтурная модель субъектного разнообразия, основанная на дифференциации типов субъектности участников исследования. Вместо традиционного демографического квотирования или менеджериальной матрицы «власть/интерес» предложено выделение функционального (эксперты-носители профессионального знания), экзистенциального (жители-пользователи среды) и проекционно-конструктивного (активисты-авторы идей) контуров. Такая конфигурация обеспечивает структуру для подлинного «полилога» четырех сил городского развития, позволяя выявить и преодолеть «смысловые ножницы» между властью и населением.

В-третьих, сконструирован и обоснован трехфазный исследовательский алгоритм-«воронка», логика построения которого определяется четырьмя условиями-ограничениями реального проектного процесса: информационным вакуумом, ресурсным дефицитом, агрессивной средой и функциональной дистанцией социолога. Последовательность фаз – от камерального анализа документов и информационной среды через полевую экспедицию к постполевому аналитическому синтезу – обеспечивает преодоление «дилетантизма» внешнего эксперта и максимальную «диагностическую плотность» в условиях сжатых сроков.

В-четвертых, определены требования к итоговому продукту технологии и обоснован его статус как «социального контракта». Итоговый отчет, выстроенный по принципам иерархической логики синтеза, аналитической триангуляции и пространственной локализации данных, выполняет функцию «сетевой модели проблемного поля» города. Он трансформирует мастер-план из абстрактного градостроительного документа в инструмент общественного согласия, фиксирующий взаимные обязательства власти, бизнеса и жителей и обладающий самостоятельной прогностической силой даже в отсутствие дальнейшего социологического сопровождения.

Совокупность полученных результатов свидетельствует о том, что разработанная технология создает методологически обоснованный механизм преодоления разрыва между нормативным «должным» стратегического планирования и антропологическим «сущим» городской среды. Таким образом происходит превращение мастер-плана из инструмента управления территорией в инструмент развития человеческого потенциала. Вместе с тем разработанная технология носит теоретический характер и требует эмпирической верификации на материале конкретных городов, что составит предмет следующей работы настоящего исследовательского цикла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы / Под ред. Т.М. Дридзе. М.: Наука, 1994. 304 с. ISBN 5020079731.
2. *Bassett E.M.* The master plan, with a discussion of the theory of community land planning legislation. New York: Russell Sage Foundation, 1938. 151 p.
3. *Алексеевский М., Беленко В., Левицкая Е. И., Малеева Е., Муратов А., Путилова Е., Толкачева К.* Стратегический мастер-план: инструмент управления будущим: исследование. М.: Strelka Press, 2014. 520 с. ISBN 978-5-906264-38-1.
4. Национальный стандарт мастер планов. Книга 3: «Механизмы разработки и внедрения мастер плана» // ВЭБ.РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://itpgrad.ru/upload/iblock/3f5/xewoql3qo18vzox8y6fn1ug99s19oi63/Natsionalnyy-standart-master_planov_Kniga3.pdf (дата обращения: 23.12.2025).
5. *Расходчиков А.Н., Шилова В.А.* Социальные измерения динамики городов и агломераций // Научный результат. Социология и управление. 2024, т. 10, № 2. С. 4–8. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-1. EDN: GIYWGH.
6. *Богданов В.С.* Тенденции развития российских «умных городов»: проблемы управления и неравенства // Научный результат. Социология и управление. 2023, т. 9, № 1. С. 85–97. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-8. EDN: DDLEIB.
7. *Healey P.* Collaborative Planning. Macmillan Education UK, 1997. 338 p. ISBN 978-0-333-49573-5.
8. *Innes J.E., Booher D.E.* Planning with Complexity. Routledge, 2018. 246 p. ISBN 978-1-138-55206-7.

9. *Albrechts L.* Strategic (Spatial) Planning Reexamined // *Environment and Planning B: Planning and Design*. 2004, vol. 31, № 5. P. 743–758. DOI: 10.1068/b3065.
10. *Lynch K.* The City Image and its Elements // *The City Reader*. Routledge / Ed. by R.T. LeGates, F. Stout, R.W. Caves. Routledge, 2025. P. 614–625. ISBN 978-1-032-85712-1.
11. *Дридзе Т.М., Акимкин Е.М.* Социально обоснованное градостроительство в режиме прогнозного проектирования: от социальной диагностики к профилактике конфликтных ситуаций и конструктивному диалогу заинтересованных сторон. М.: Институт социологии РАН, 2005. 492 с. ISBN 5-900927-81-4. EDN: QOEMIP.
12. *Шилова В.А., Шередега Ю.В.* Социологические исследования в процессе городского проектирования (на примере города Нальчик) // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика [Электронный ресурс]: материалы междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 25–26 ноября 2021 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И. В. Пинчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2021. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 347–354. EDN: CVOOUX
13. *Демьяненко В.И.* Практика применения прогнозного социального проектирования в решении проблем пространственного развития // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2024, т. 14, № 5. С. 64–73. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-64-73. EDN: UZKVNF.
14. *Freeman R.E.* Strategic Management: A Stakeholder Approach. Boston: Pitman, 1984. 276 p. ISBN 0-273-01913-9.
15. *Denzin N.K.* The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods. Chicago: Aldine, 1970. ISBN 0-202-30121-4.
16. *Davidoff P.* Advocacy and pluralism in planning // *Journal of the American Institute of Planners*. 1965, vol. 31, № 4. P. 331–338. DOI: 10.1080/01944366508978187.
17. *Шилова В.А., Демьяненко В.И., Почестнев А.А., Быков К.В., Гречаная А.А., Гульцев А.И.* Когнитивное моделирование социально-экономического развития муниципального образования // Научный результат. Социология и управление. 2025, т. 11, № 4. С. 274–302. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-4-1-6. EDN: FRMMIQ.

Сведения об авторах

Демьяненко Василий Иванович

Научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

AuthorID: 1123230

SPIN-код: 4964-5600

Researcher ID: GQR-0620-2022

Шилова Валентина Александровна

Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник,

заведующая лабораторией Института социологии

ФНИСЦ РАН

AuthorID: 76397

SPIN-код: 8158-6002

Researcher ID: KCJ-7695-2024

Быков Кирилл Владимирович

Научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

AuthorID: 608136

SPIN-код: 3164-2028

Гусейнова Ксения Эльдаровна

Научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

AuthorID: 897865

SPIN-код: 8158-6002

Статья поступила в редакцию: 15.04.2026 г.

Статья принята к публикации: 16.04.2026 г.

10.19181/4m.2026.35.3.3

**BALANCING UNIFICATION AND DIVERSITY IN URBAN
SPATIAL DEVELOPMENT: ADAPTING PREDICTIVE
SOCIAL DESIGN TECHNOLOGY FOR MASTER PLANNING**

Demyanenko Vasilij I.

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and
Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
imhocorg@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1838-2081

Shilova Valentina A.

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and
Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
vshilova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8899-2707

Bykov Kirill V.

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and
Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
1096232@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2076-9816

Guseynova Kseniya E.

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and
Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
liksedar@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7957-7317

For citation: Demyanenko V.I., Shilova V.A., Bykov K.V., Guseynova K.E. Balancing unification and diversity in urban spatial development: adapting predictive social design technology for master planning. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2026, vol. 36, no. 3(64), p. 74-109. DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.3.

Abstract. The article focuses on the development of an adapted technology of predictive social design (PSD) as applied to the tasks of strategic master planning for urban agglomerations. The relevance of the study stems from the persistent contradiction between the technocratic approach to urban planning, which suffers from “social addresslessness” and the actual needs of local communities.

The theoretical and methodological foundation of the research is the eco-anthropocentric paradigm of T.M. Dridze, supplemented by the dichotomy of unification and diversity as an operational principle for constructing the research toolkit. The paper demonstrates that directly transferring the classical PSD technology, which is originally developed for local urban conflicts, to the level of strategic city-wide planning encounters a number of unresolved methodological problems: resource deficit, the risk of expert dilettantism, the functional distance of the sociologist, and the need to create a “self-playing final product.

The adapted technology is presented that comprises three interrelated components: a three-phase research algorithm (“funnel” – desk, field, and post-field stages), a three-circuit model of subjective diversity (functional, existential, and projective-constructive circuits), and a system of analytical protocols (hierarchical synthesis, triangulation, and spatial localization of data). The end product of the technology is a master plan in the format of a “social contract” – a document that transforms the diversity of city dwellers’ lifeworlds into a unified strategic document and possesses its own predictive power.

The developed technology extends the scope of applicability of the eco-anthropocentric paradigm and fills a methodological gap in the sociological support of strategic master planning.

Keywords: master plan, predictive social design, eco-anthropocentric paradigm, social contract, urban identity, social diagnostics, unification and diversity, stakeholders, social addresslessness

Acknowledgments: the article was prepared within the framework of the State Assignment IS FCTAS RAS FMUS-2024-0002 “Unification and diversity in the space development of Russia (socio-economic and socio-cultural processes)”.

References

1. *Prognostic Social Design: Theoretical-Methodological and Methodical Problems* (in Russian) / Ed. by T.M. Dridze. Moscow: Nauka Publ., 1994. 304 p. ISBN 5020079731.
2. Bassett E.M. *The Master Plan, with a Discussion of the Theory of Community Land Planning Legislation*. New York: Russell Sage Foundation, 1938. 151 p.
3. Alekseevsky M., Belenko V., Levitskaya E.I., Maleeva E., Muratov A., Putilova E., Tolkacheva K. *Strategic Master Plan: A Tool for Managing the Future: A Study* (in Russian). Moscow: Strelka Press Publ., 2014. 519 p. ISBN 978-5-906264-38-1.
4. National Standard of Master Plans. Book 3: Mechanisms for the Development and Implementation of a Master Plan, *VEB.RF* [Electronic resource]. URL: https://itpgrad.ru/upload/iblock/3f5/xewoql3qo18vzox8y6fnlwg99s19oi63/Natsionalnyy-standart-master_planov_Kniga3.pdf (date of access: 23.12.2025).
5. Raskhodchikov A.N., Shilova V.A. Social Dimensions of the Dynamics of Cities and Agglomerations (in Russian), *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, 2024, vol. 10, no. 2, p. 4–8. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-1.
6. Bogdanov V.S. Trends in the Development of Russian “Smart Cities”: Problems of Governance and Inequality (in Russian), *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, 2023, vol. 9, no. 1, p. 85–97. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-8.
7. Healey P. *Collaborative Planning*. Macmillan Education UK, 1997. 338 p. ISBN 978-0-333-49573-5.
8. Innes J.E., Booher D.E. *Planning with Complexity*. Routledge, 2018. 246 p. ISBN 978-1-138-55206-7.
9. Albrechts L. Strategic (Spatial) Planning Reexamined, *Environment and Planning B: Planning and Design*, 2004, vol. 31, no. 5, p. 743–758. DOI: 10.1068/b3065.

10. Lynch K. “The City Image and its Elements”, in: *The City Reader: Routledge*, ed. by R.T. LeGates, F. Stout, R.W. Caves. Routledge, 2025, p. 614–625. ISBN 978-1-032-85712-1.
11. Dridze T.M., Akimkin E.M. *Socially Sound Urban Development in the Mode of Predictive Design: From Social Diagnostics to Conflict Prevention and Constructive Dialogue of Stakeholders* (in Russian). Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005. 492 p. ISBN 5-900927-81-4.
12. Shilova V.A., Sheredega Yu.V. Sociological Research in the Process of Urban Design (on the Example of the City of Nalchik). *Sotsial'nye praktiki i razvitie gorodskoi sredy: urbanistika i innovatika: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Resp. Belarus', Minsk, 25–26 noyab. 2021 g. Minsk, BGU, 2021, pp. 347–354. (In Russian). EDN: CVOOUX
13. Demyanenko V.I. The Practice of Applying Predictive Social Design in Solving Problems of Spatial Development (in Russian), *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2024, vol. 14, no. 5, p. 64–73. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-64-73.
14. Freeman R.E. *Strategic Management: A Stakeholder Approach*. Boston: Pitman, 1984. 276 p. ISBN 0-273-01913-9.
15. Denzin N.K. *The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods*. Chicago: Aldine, 1970. ISBN 0-202-30121-4.
16. Davidoff P. Advocacy and Pluralism in Planning (in Russian), *Journal of the American Institute of Planners*, 1965, vol. 31, no. 4, p. 331–338. DOI: 10.1080/01944366508978187.
17. Shilova V.A., Demyanenko V.I., Pochestnev A.A., Bykov K.V., Grechanaya A.A., Gultsev A.I. Cognitive Modeling of Socio-Economic Development of a Municipal Entity (in Russian), *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, 2025, vol. 11, no. 4, p. 274–302. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-4-1-6.

Information about the authors

Vasilij I. Demyanenko

Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.
Researcher ID: GQR-0620-2022

Valentina A. Shilova

Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher, Head of the Laboratory of the Institute of Sociology of the National Research, Research Center of the Russian Academy of Sciences
Researcher ID: KCJ-7695-2024

Kirill V. Bykov

Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Kseniya E. Guseynova

Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.